Ревнителей здравого смысла и железной логики прошу не беспокоиться.
Всё изложенное ниже – осколки сна, небрежно собранные воедино.
Он явился без воздействия каких-либо технических средств или сильнодействующих снадобий.
Соавтором сюжета может считаться – да и то с большой натяжкой! –
стакан кефира, традиционно выпитый на ночь.
События, свидетелем которых я оказался против своей воли,
как и положено, не имеют ничего общего с действительностью.
Имена действующих лиц изменены до широкой узнаваемости.
Место действия – земной шар.
Ну, по крайней мере, мне так показалось издали…

*

Вначале не было ничего кроме горизонта.
Он скучал в одиночестве и лениво размышлял: чем бы заняться на досуге.
А потом, совершенно внезапно для себя, придумал небо и землю.
Правда, пришлось немного потесниться и слегка ужаться.
Но зато стало чуть-чуть веселее...

Некоторое время вновь созданная земля выглядела сухой и колючей, словно мелко раздробленный кирпич.
Но вскоре на ней - то тут, то там - возникли чахлые деревья, мутные лужи и ноздреватые камни.
Они неуклонно развивали свои природные задатки
и постепенно превратились в густые леса, полноводные реки и скалистые утёсы.
Горизонту снова пришлось потесниться.
Он не возражал и старался быть вежливым, хотя ощутил какую-то неясную тревогу.
Судя по всему, начатый им однажды процесс не собирался останавливаться на достигнутых рубежах…

И вот откуда-то, как снег на голову, свалились первые люди.
Вопреки всем прогнозам они быстро размножались.
Одна робкая пара, несмотря на внутренние трения и внешние вооружённые конфликты,
стала прародителями многих племён, исчисляемых тысячами и даже миллионами душ.
Как водится, в них быстро появились свои вожди, свои изгои и своя интеллектуальная прослойка…

У каждого из них были свои убеждения.
Их часто требовалось отстаивать всеми доступными средствами.
Довольно быстро выяснилось, что самым лучшим аргументом в споре является не дубина.
И даже не каменный топор.
Просто в этом случае каждая дискуссия заканчивалась, едва начавшись.
Требовалось новое орудие – не такое громоздкое, но обладающее мощной убийственной силой…

Так возникло звучное слово.
Много слов.
В удивленный мир победно хлынуло красноречие.
Горизонт едва не смыло его бурными потоками в неизвестность.
Но он собрал последние силы и всё-таки удержался на своём законном месте…

Немного погодя, слова потребовали зримых воплощений.
Высокая образность, несмотря на тяжёлые потери смысла, начала непрерывный штурм грубой реальности.
Разрозненные идеи и рассеянное вдохновение сплотились ради достижения общей цели.
Появилось искусство.
Но и ему тоже стало тесно внутри себя самого.
Слишком много направлений требовали личной свободы.
Деваться некуда, одна за другой последовали беспрецедентные уступки.
Живопись, литература и музыка, после долгой борьбы, обрели, наконец, полную самостоятельность.
Чуть позже - родилось кино…

На заре своей жизни оно, как и полагается младенцу, не умело говорить.
Даже мыслило исключительно в чёрно-белых тонах.
Но прогресс не топчется на месте, а постоянно рвется вперёд, как породистый скакун.
Нет пощады никому, кто стоит на его пути.
Горизонт это понял давно и обречённо приготовился исчезнуть в черной бездне кинозала.
Этому могло помешать только чудо…

*

- Я всё-таки не понимаю: как можно обойтись без интригующего сценария, узнаваемых актёров, добротно сработанных декораций, грима, ассистентов режиссера и прочих необходимых прибамбасов! – недоверчиво процедил продюсер Лжеймсон. – Ведь без этого просто не бывает хорошего кино, как правильного виски не бывает без отменного ячменя! Кино без камеры – это нонсенс! Абсурд! Выходит, вы хотите убедить меня, человека в здравом уме и доброй памяти, в реальности абсурда?!

- Я хочу убедить вас лишь в том, что это надо попробовать! – воскликнул изобретатель Гингсборо и начал нервно ходить из угла в угол. – Готов поклясться чем угодно и на чём угодно, что игра стоит свеч!

- Значит, готовы поклясться? - Лжеймсон задумчиво прикрыл глаза, словно что-то прикидывая в уме.

Гингсборо примостился на краешке стула. Его коленку бил нервный тик. В комнате воцарилось неопределенное молчание. Через несколько минут изобретателю даже показалось, что его собеседник задремал. Он несколько раз вежливо кашлянул в сжатый кулак.

- Да, так значит, вы готовы дать определённые гарантии?! – Лжеймсон, как ни в чём не бывало, выпрямился в кресле и пристально посмотрел на Гингсборо.

Тот вскочил и с удвоенной энергией стал курсировать между углами. Правда, его речь при этом стала слегка сумбурной.

- Результаты экспериментов, в целом, положительны!.. Это даёт мне право надеться на успех!.. Я сам пробовал – лично на себе!.. Да и вы можете тоже, если хотите!..

- Кстати! А ведь это неплохая идея – попробовать на себе! – встрепенулся Лжеймсон. – В конце концов, чем чёрт не шутит, вдруг мне и в само деле понравится ваша затея! А насколько это безопасно? Током по мозгам не шандарахнет?!

Гингсборо приложил правую руку к сердцу. Очевидно, этот театральный жест должен был придать его словам особую искренность.

- О чём вы говорите! Какая опасность! Это же обыкновенные наушники! А мой синхронизатор абсолютно безопасен! У меня и сертификаты есть!

Изобретатель торопливо извлёк из-под стола толстый портфель с потертой ручкой и латунным замком, слегка позеленевшим от времени. Но Лжеймсон небрежно остановил его.

- Хорошо! Не надо лишних бумаг! Давайте попробуем! Когда вы будете готовы?!

- Да хоть сейчас! Всё, что нам потребуется – это любой экран, удобное кресло и моё изобретение.
Ну, и, конечно, ваша собственная фантазия!..

- Этого добра у меня хоть отбавляй! – пробурчал Лжеймсон. – Вот только со временем проблемы! У меня есть только полчаса! От силы – минут сорок! Мы успеем?

- Конечно, успеем! – воскликнул Гингсборо и ловко, как фокусник, заменил портфель миниатюрным чемоданчиком черного цвета с красной литерой «К» на крышке. Внутри его были обыкновенные с виду наушники. Только в середине соединявшей их толстой дужки выделялась прямоугольная коробочка.

Лжеймсон ткнул в неё толстым пальцем.

- Это, что ли, твой… синтезатор?

- Синхронизатор! – мягко поправил его Гингсборо. – Впрочем, как вам будет угодно!

Он осторожно извлек наушники из футляра, приблизился с ними к Лжеймсону и остановился в нерешительности. Продюсер снизу вверх бросил на него удивлённый взгляд.

- Ну, и чего ты ждешь? Давай, действуй! Время-то идёт!..

Гингсборо осторожно пристроил прибор на лысой голове Лжеймсона. После чего нацепил на монитор компьютера какое-то устройство, напоминающее краба.

- Это приёмник! – пояснил он. – Он необходим для связи с синхронизатором? Вы готовы?

Лжеймсон утвердительно кивнул головой.

- Тогда расслабьтесь, думайте о ваших желаниях и внимательно смотрите на экран!..
Гингсборо включил дисплей. Почти сразу же на синтезаторе и приёмники загорелись зелёные индикаторы размером меньше спичечной головки. На синем экране густо замелькали разноцветные сполохи.
Невыразительный и тусклый взгляд Лжеймсона вдруг преобразился. В нём проснулся интерес.
Лжеймсон порывисто подался вперёд, точно охотничья собака, почуявшая в камышах дичь.
Он вцепился в подлокотники кресла и буквально вперился в хаотично мерцающий монитор.

- Ну, как? Что вы видите? – поинтересовался Гингсборо, слегка нагнувшись к испытуемому.

Но его явно не слышали. Очевидно, сознание Лжеймсона полностью занимал какой-то другой процесс, зашифрованный в хаосе электронной «метели». Гингсборо, взяв портфель и стараясь не совершать резких движений, вышел из кабинета.

- Босс просил его не беспокоить! – улыбнувшись сказал он секретарше, шагнул за порог и плотно прикрыл за собой звуконепроницаемую дверь…

*

Гингсборо сдёрнул с себя наушники.
Только что увиденные им перспективы потребовали для этого действия существенных усилий воли.
Но главное он уже понял – его изобретение должно перевернуть мир.
Ну, или поставить его на место – в зависимости от ракурса точки зрения.
Отныне и навсегда своё кино может создавать каждый.
Каждый получит возможность выбирать сюжет, актеров, место действия, слова и музыку.
Ведь у человеческой фантазии нет границ.
Она бессовестно изобретательна и бесстыдно мгновенна.
Главное – первый кадр, точнее – первая мысль.
Дальше вступает в дело его синхронизатор,
который начинает транслировать на любой экран любое действие, какое только пожелается.
Конечно, в зашифрованном виде, недоступном посторонним лицам.
Впрочем, можно подумать о записи и последующем распространении наиболее интересных произведений…

Эта идея сильно взволновала Гингсборо.
Он вскочил со своего скрипучего канцелярского стула и начал лихорадочно собираться.
Сомнений не было: чтобы подняться на вершину успеха, сначала надо было подойти к подножию горы.
Иными словами – отправиться на поклон к медиамагнату Лжеймсону.
Он наверняка захочет участвовать в таком выгодном проекте.
Гингсборо уже видел подробности этой встречи.
Правда, пока в качестве единственного зрителя кинозала своих личных иллюзий.
Но у него не было никаких сомнений, что именно они воплотятся в самом ближайшем будущем…

Собрать портфель с документами было делом нескольких минут.
А самое ценное оборудование - наушники и синхронизатор с приёмником –
на удивление легко уместились в случайно найденном на стеллаже футляре.
На его крышке была буква «К».
Кажется, когда-то в нём хранился детский конструктор.
Впрочем, Гингсборо мог ошибаться в деталях.
Ведь они уже принадлежали прошлому, а впереди его ждал триумф.
Он как раз остановил просмотр на самом интересном месте.
Жаль, конечно, что пока нет возможности перемотать и посмотреть этот момент заново.
«Об этом обязательно надо подумать!» - строго наказал сам себе Гингсборо
и бережно достал из внутреннего кармана визитку с золотым обрезом.

«Алло! Я слушаю! Говорите!» - раздался в трубке скрипучий голос Лжеймсона…

*

Зря, все-таки, Гингсборо не досмотрел свой фильм до финальных титров.
Чужие мысли зачастую гораздо проницательней наших собственных.
Но, к сожалению, понимание этого факта приходит с фатальным опозданием…

Едва закончив разговор с изобретателем, Лжеймсон набрал новый номер.
- Как только он выйдет от меня - вы знаете, что делать! – бесстрастно произнёс он и положил трубку.
Потом тяжело поднялся из глубин кожаного кресла и закурил гаванскую сигару.
Сделав несколько шагов по кабинету, Лжеймсон остановился у окна и выдохнул изо рта облачко дыма.
Пейзаж снаружи показался ему немного странным.
Земля и небо практически ничем не отличались друг от друга.
Они словно составляли единое целое – как огромный экран монитора, испещрённый электронными искорками.
Осталось надеть на голову наушники и прикрепить к стеклу приёмник.

А дальше – дело техники…

*

Только сейчас горизонт понял, что у него появился шанс восстановить статус-кво.
Пусть микроскопический, но всё-таки – шанс.
И он не собирался его упускать…